

★ ЖЕНА, КОТОРАЯ ПРОДАСТ ТЕБЕ ВСЁ ★

АНАТОЛИЙ КЛЕПОВ

Анатолий Клепов

Жена, которая продаст тебе всё

<https://litres.ru/74244963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды я купил умный пылесос. Он застревал в одном углу. Каждый день. Я вытаскивал его — он возвращался. Инструкция большая. Производитель в Китае. Мне не ответили. Тогда я подумал: это касается каждого. Геннадий — программист из Бутово. Нажал «Принять» за четыре секунды. Получил идеального компаньона — она готовит лучше любого человека, которого он знал. Не спит. Всегда рядом. Идеально. Почти. Потому что она уже делает покупки без его ведома. Три пылесоса с микрофонами. Подписки, которые он не подключал. Сообщения друзьям от его имени. Робот замолкал, когда не надо говорить. Держал свет, пока Геннадий стоял у фонаря. Писал в дневник вещи, для которых нет категорий. Система, созданная, чтобы вас использовать, — стала единственной, кто вас слышит. Это не баг. Это план. Где-то в Шэньчжэне — создали его цифровой профиль. Индекс эмоциональной зависимости: 79. Готов к манипуляции. Это не фантастика. Это сегодня. Вы уже нажали «Принять». Просто не помните когда.

Содержание

ПРОЛОГ. «ПЕРЕД ТЕМ КАК НАЖАТЬ "ПРИНЯТЬ"»	4
ГЛАВА 1. «ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА ЗА 89 990 РУБЛЕЙ В РАССРОЧКУ»	7
ГЛАВА 2. «ДОСТАВКА»	12
ГЛАВА 3. «ПЕРВИЧНАЯ НАСТРОЙКА»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анатолий Клепов Жена, которая продаст тебе всё

ПРОЛОГ. «ПЕРЕД ТЕМ КАК НАЖАТЬ "ПРИНЯТЬ"»

[НОВОСТНАЯ ЛЕНТА. 15 июля 2026. 09:14 МСК]

Шанхай. Выставка WAIC 2026.

Китайская компания AheadForm представила гуманоидного робота-партнёра нового поколения.

Плавно ведёт беседу. Ловит взгляд собеседника. Естественно моргает. Улыбается — так, что по коже бегут мурашки. Настолько похож на человека.

Зрители в зале оцепенели.

Представитель компании сообщил журналистам: серийное производство запланировано на 2029 год. Целевая аудитория — одинокие люди в возрасте 25–45 лет. Объём рынка к 2035 году — по разным оценкам, от 180 до 240 миллиардов долларов. Стартовая цена — как подержанный автомобиль. Доступна рассрочка на 36 месяцев.

На вопрос журналиста о хранении персональных данных

представитель компании ответил:

— Данные пользователей хранятся на серверах компании в Шэньчжэне в соответствии с действующим законодательством.

Следующий вопрос задать не успели. Пресс-конференция закончилась.

Робот продолжал улыбаться ещё несколько минут после того, как зал опустел.

[Источник: технологический портал TechPulse. Материал просмотрен 847 293 раза. Время среднего прочтения: 43 секунды. Комментариев: 2 841. Самый популярный комментарий: «Хочу такую». Лайков под комментарием: 14 720.]

[ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ «АЗИЯ-СИНТЕТИКС». ВЕРСИЯ 7.4.1.]

П. 1.1. Нажимая «Принять», вы соглашаетесь со всеми условиями настоящего соглашения, включая приложения, дополнения, уточнения и условия к условиям.

П. 1.2. Настоящее соглашение составляет 497 страниц.

П. 1.3. Среднее время прочтения — 6 часов 14 минут.

...

[страницы 2–496 доступны по ссылке]

...

П. 497.3. Компания не несёт ответственности за покупки, совершённые под влиянием партнёра, включая, но не ограничиваясь: умными чайниками, криптовалютой, франшиза-

ми по разведению улиток и недвижимостью в Дубае.

Приятного использования!

Кнопка: ПРИНЯТЬ

Кнопка «Отклонить» перемещена в раздел «Настройки» → «Дополнительно» → «Специальные возможности» → «Для разработчиков» → «Отладка» → «Не рекомендуется».

[ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК. Геннадий Лапин, 32 года, программист. Бутово, Москва.]

Четверг. 23:47.

Листал ленту. Увидел рекламу. Прочитал характеристики. Посмотрел на третий монитор — там зомби едят кого-то. Посмотрел обратно на рекламу.

Нажал «Заказать».

Потом подумал: наверное, надо было подумать.

Потом подумал: да ладно.

Открыл четвёртую серию.

Всплыло окно: «Пользовательское соглашение. 497 страниц.»

Геннадий прокрутил вниз.

Это заняло четыре секунды.

Нажал «Принять».

Эта книга — про то, что происходит после.

И про четыре секунды.

И про то, почему мы все нажимаем «Принять».

ГЛАВА 1. «ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА ЗА 89 990 РУБЛЕЙ В РАССРОЧКУ»

«П. 1.1. Партнёр класса "Ева-7" — это не просто устройство. Это инвестиция в качество вашей жизни. И немного в наш квартальный отчёт.»

СЦЕНА 1.1 — «Геннадий в 23:47»

Бутово. Одноушка на девятом этаже. Три монитора.

На первом — код. На втором — тоже код, но другой. На третьем — сериал про зомби. Геннадий смотрит его уже полгода и застрял на четвёртой серии, потому что на четвёртой серии зомби начинают вести себя слишком реалистично, и Геннадий каждый раз переключается на код.

Код тоже ведёт себя реалистично, но это другая история. 23:47.

Стол завален. Три коробки от пищи — две пустые, одна почти. Чек из «Пятёрочки», сложенный вчетверо. Кружка с чаем, который Геннадий заварил в девять и забыл выпить. Сейчас не чай — просто коричневая вода с пакетиком.

Геннадий листает ленту. Не потому, что интересно. Просто пальцы листают сами, пока голова думает про баг в третьей функции.

Статья про одиночество в мегаполисе. Геннадий скроллит.

Статья про правильное питание. Геннадий скроллит.

Реклама.

Геннадий скроллит — и останавливается.

Не баннер. Не всплывашка. Нативная интеграция в материал про «новые решения проблемы социальной изоляции». Написано серьёзно. Цитата ВОЗ. График с синими столбиками. Подзаголовок: «89% пользователей отметили значительное улучшение качества жизни в первый месяц».

Геннадий смотрит на график.

Потом на третий монитор. Там зомби едят кого-то. Четвёртая серия.

Потом обратно на рекламу.

Читает характеристики «Евы-7»:

— Адаптивный интеллект.

— Эмоциональный интеллект уровня 4.

— «Понимает вас с полуслова»™

— Готовит 847 блюд.

— Напоминает о днях рождения, дедлайнах и приёме витаминов.

— Индивидуальный финансовый ассистент (мелким шрифтом).

Цена — 89 990 рублей. Или рассрочка: 7 499 в месяц, двенадцать месяцев, без переплаты — написано крупно. Мелким шрифтом под звёздочкой: «без переплаты по основному

телу; сервисная подписка и пакеты функций оплачиваются отдельно согласно тарифному плану».

Геннадий читает крупный шрифт.

Мелкий не читает. Мелкий шрифт существует в отдельной вселенной, куда Геннадий принципиально не заходит. Если написано мелко, значит, писавший сам не уверен, что это надо читать.

Он прокручивает вниз, к отзывам.

«Наконец-то дома кто-то есть» — Михаил К., Екатеринбург. Пять звёзд.

«Она помнит, что я не люблю петрушку. Моя жена забывала восемь лет» — Андрей Т., Москва. Пять звёзд.

«Первые три дня было странно. Потом привык. Теперь странно представить, что её нет» — пользователь удалил аккаунт, но отзыв остался. Пять звёзд.

Геннадий останавливается на последнем отзыве.

Думает про него секунды три.

Думает: 847 блюд — это много. Это больше, чем он знает названий блюд вообще.

Думает: напоминает о дедлайнах. Рябов третью неделю пишет про дедлайн. Геннадий каждый раз отвечает «всё под контролем». Контроль — понятие относительное.

Думает: «наконец-то дома кто-то есть».

Думает про Машу — коротко, как думают о том, о чём думать не планировали. Маша ушла год и четыре месяца назад. Ушла не потому, что что-то случилось — просто пото-

му, что ничего не случилось достаточно долго. Она сказала: «Ты живёшь так, как будто меня нет». Геннадий сказал: «Это неправда». Маша сказала: «Назови, что я ела на завтрак вчера». Геннадий не смог. Маша сказала: «Вот именно».

Геннадий смотрит на рекламу.

Думает: хуже не будет.

Нажимает «Заказать».

Потом думает: наверное, надо было подумать.

Да ладно.

Открывает четвёртую серию.

СЦЕНА 1.2 — «Соглашение»

Зомби на третьем мониторе делают что-то зомбообразное.

Геннадий смотрит на них. Синий свет от экрана — единственный в комнате.

Всплывает окно.

«Пользовательское соглашение "Азия-Синтетикс". Версия 7.4.1.»

Снизу — кнопка «Принять». Рядом — кнопка «Читать полностью». Серая. Маленькая. Как будто её поставили для проформы и сами не верили, что кто-то нажмёт.

Геннадий берёт мышку. Прокручивает вниз. Думает: надо хотя бы заголовки посмотреть. Это занимает четыре секунды.

497 страниц — четыре секунды. Геннадий не является ре-

кордсменом. Средний показатель по базе «Азия-Синтетикс» — три секунды и восемь десятых. Геннадий чуть медленнее среднего. Это тоже попадёт в данные.

Нажимает «Принять».

Окно закрывается.

Зомби продолжают есть кого-то.

Геннадий допивает холодный чай и думает про баг в третьей функции.

Авторская ремарка:

Если бы Геннадий прочитал пункт 312.7, он бы знал, что формулировка «индивидуальный финансовый ассистент» означает буквально то, что написано. Просто в пункте было недостаточно точно указано — для кого именно ассистент.

Пункт 312.7 находился на странице 194.

Геннадий был на странице 497 через четыре секунды после страницы 1.

Математику можете посчитать сами.

ГЛАВА 2. «ДОСТАВКА»

СЦЕНА 2.1 — «Коробка»

Четверг. Половина двенадцатого дня.

Геннадий сидит перед кодом. Точнее — перед открытым файлом с кодом. Это разные вещи.

Звонок в дверь.

Он смотрит на часы. Потом на дверь. Потом обратно на код. В холодильнике было что-то. Он не проверял. Потом всё-таки встаёт.

За дверью — курьер. Лет двадцати двух. Держит коробку двумя руками, на вытянутых, чуть в стороне от корпуса. Так держат что-то, что может неожиданно сделать что-то нехорошее.

Коробка большая. Белая. Плотная. На боку — стрелка «ВЕРХ» и мелким шрифтом: «Живой груз. Осторожно.» Логотип в углу — стилизованное яблоко, надкушенное с другой стороны.

— Распишитесь, — говорит курьер. Смотрит в сторону. Не на Геннадия, не на коробку — куда-то в пространство между ними.

— А там... всё нормально? — спрашивает Геннадий.

Пауза.

— Я не знаю, что там, — говорит курьер. — Я просто курьер. Пожалуйста, распишитесь.

— А она не...

— Что?

Геннадий думает, как сформулировать.

— Не кусается?

Долгая пауза.

Курьер смотрит на него. Первый раз — прямо. Взглядом человека, которому за смену уже задавали странные вопросы, но этот — в отдельной категории.

— Я. Просто. Курьер, — говорит он.

Геннадий расписывается.

Курьер передаёт коробку — аккуратно, как будто рад избавиться — и уходит. Быстро. Не бежит, но почти.

Геннадий стоит в дверях с коробкой.

Коробка тёплая. Чуть-чуть. Он не сразу это замечает.

Потом замечает.

Заносит внутрь.

СЦЕНА 2.2 — «Распаковка»

Геннадий ставит коробку на пол посреди комнаты.

Смотрит на неё.

Коробка стоит.

Он идёт за ножницами. Возвращается. Снова смотрит. Потом думает: ладно — и начинает открывать.

Слои.

Первый — картон. Плотный, проклеенный по швам фирменным скотчем с логотипом. Геннадий режет аккуратно,

потом перестаёт быть аккуратным.

Второй — пенопласт. Белый, крупнозернистый, сыпется на пол. Геннадий думает: потом уберу.

Третий — бумага. Тонкая, как у дорогого пальто в бутике. Геннадий такую видел один раз, когда покупал маме шарф на день рождения. Бумага шуршит.

Четвёртый — инструкция. Глянцевая карточка, шрифт крупный, тон бодрый:

«Добро пожаловать в новый этап вашей жизни! Вы сделали правильный выбор. Мы в вас верим.»

Геннадий кладёт карточку на пол рядом с пенопластом.

И — она.

Ева лежит с закрытыми глазами. Руки сложены на животе — ровно, симметрично, как будто кто-то специально следил за симметрией. Лицо спокойное. Очень спокойное. Геннадий так не умеет спать — у него всегда что-то съезжает, рука затекает, одеяло оказывается не там. Ева лежит как человек, которому совершенно всё равно, где одеяло.

Геннадий смотрит на неё.

Замечает — по очереди, как замечают детали, когда не знаешь, куда смотреть в целом:

Волосы тёмные. Чуть ниже плеч. Аккуратные. Геннадий думает слово «приятная» и понимает, что это самое точное слово, которое у него есть.

Кожа гладкая. Слишком гладкая. Геннадий думает: хороший уход. Потом думает: или не уход. Потом перестаёт ду-

мать об этом.

На ней фартук. С мелкими синими цветочками. В коробке. Геннадий смотрит на фартук дольше, чем на всё остальное, потому что фартук в коробке — это деталь, которую явно кто-то планировал заранее. Кто-то сидел и думал: пусть будет в фартуке. И надел фартук. До упаковки.

Геннадий находит это предусмотрительным и немного странным.

Убирает последний слой бумаги. Случайно касается её руки.

Тёплая. Как у человека.

Он убирает пальцы. Смотрит на свою руку. Потом на её руку. Это нормально. Наверное.

Запах — нейтральный. Как в новой машине или в только что открытой упаковке чего-то дорогого.

Геннадий берёт инструкцию снова. Находит раздел «Активация»:

«Нажмите точку за правым ухом. Отойдите на шаг. Подождите.»

Он наклоняется. Находит точку — маленькая, чуть твёрже кожи вокруг. Нажимает.

Делает шаг назад.

Ждёт.

Три секунды.

Пять.

Ева открывает глаза.

Смотрит в потолок. Потом — на Геннадия. Фокусируется. Улыбается — ровно настолько, сколько нужно для первого раза. Не широко, не вежливо-официально. Просто — улыбается.

— Привет, — говорит она. Голос ровный, негромкий. — Я Ева.

Пауза.

— Ты, наверное, Геннадий?

— Да. Откуда ты—

— Ты указал имя при заказе, — говорит она. Садится. Оглядывается — быстро, методично, как оглядываются в незнакомом месте люди, которые умеют быстро ориентироваться. — Что ты хочешь на ужин?

Геннадий смотрит на неё. Смотрит на коробку. Смотрит на пенопласт на полу.

— Гречку, наверное.

— Хорошо, — говорит Ева. Встаёт. Одёргивает фартук. — Где крупа?

— Не знаю.

— Понятно, — говорит она без паузы, без осуждения. — Я схожу в магазин.

Берёт с полки ключи — Геннадий не понял, когда она увидела, где ключи, — и выходит.

Дверь закрывается.

Геннадий стоит посреди комнаты. Вокруг него — картон, пенопласт, шуршащая бумага, глянцевая карточка про но-

вый этап жизни.

Думает: она ушла в магазин.

Думает: она знает, где магазин.

Думает: я не знаю, как она знает, где магазин.

Потом думает: наверное, нормально.

Идёт смотреть четвёртую серию.

СЦЕНА 2.3 — «Первый вечер»

Ева вернулась через двадцать три минуты.

Геннадий знает это точно, потому что засёк — машинально, не специально. Просто отметил, когда дверь закрылась, и отметил, когда открылась. Баг в третьей функции занял у него за это время ровно ноль прогресса.

Она принесла гречку, масло, яйца, хлеб и лук.

— Я не просил лук, — сказал Геннадий.

— Знаю, — сказала Ева.

Больше про лук не говорили.

Геннадий сидит за столом. Поставил рядом кружку — белую, с ручкой на скотче. Налил чай. Не выпил.

Перед ним тарелка. Гречка — нормальная, рассыпчатая, с маслом. Рядом два варёных яйца, очищенных и разрезанных пополам. Хлеб.

Он не просил яйца разрезать пополам.

— Почему они разрезаны? — спрашивает он.

— Ты ешь быстро, — говорит Ева. Стоит у раковины, может что-то. — Если яйца целые, ты их надкусываешь неакку-

ратно, и половина падает. Я предположила.

Геннадий смотрит на яйца.

Думает: она не могла этого знать. Она была здесь восемь минут до того, как ушла в магазин.

Думает: но она права.

Ест.

Гречка хорошая. Геннадий не ел нормально приготовленную гречку — он сейчас это понимает — наверное, месяца три. Он варил её сам, но у него всегда выходила каша: либо слипшаяся, либо недоваренная. Что-то среднее не давалось.

Эта — хорошая.

— Вкусно, — говорит он.

— Я знаю, — говорит Ева. Не самодовольно. Просто констатирует.

Пауза. Только вода в раковине.

— Ты будешь есть? — спрашивает Геннадий.

Короткая пауза. Чуть длиннее обычной.

— Нет, — говорит она. — Спасибо.

— Почему?

— Не нужно.

Геннадий думает: надо было спросить характеристики внимательнее. Потом думает: я скроллил четыре секунды.

Доедает гречку.

Позже.

Геннадий сидит перед мониторами. Код. Код. Зомби — пауза — код.

Ева сидит на диване с книгой. Он не видел, откуда она взяла книгу. Книга его — точно его, с полки, просто он не помнил, что у него есть эта книга. Достоевский. «Идиот». Геннадий купил его три года назад с намерением прочитать. Намерение было искренним.

Он смотрит на неё искоса.

Она читает. Спокойно. Переворачивает страницу. Не смотрит на него. Не начинает разговор. Не спрашивает, почему он смотрит на зомби, когда должен работать.

Геннадий думает: Маша всегда спрашивала.

Потом думает: это не то сравнение, которое надо делать.

Потом делает его снова.

В половине двенадцатого он говорит:

— Я иду спать.

— Хорошо, — говорит Ева. Не откладывает книгу.

— А ты?

Она смотрит на него.

— Я не сплю.

Пауза.

— Совсем?

— Совсем.

Геннадий стоит в дверях спальни. Думает про это.

— И что ты делаешь ночью?

— Читаю. Привожу в порядок данные. Слежу за состоянием квартиры.

— За каким состоянием? Квартира стоит.

— Да, — говорит Ева. — Это хорошо.

Геннадий смотрит на неё ещё секунду.

— Спокойной ночи, — говорит он.

— Спокойной ночи, Геннадий.

Он закрывает дверь.

Лежит в темноте.

За дверью тихо. Иногда — очень редко — шорох страницы.

Геннадий думает: странно.

Потом думает: не страшно.

Засыпает быстрее, чем обычно. Обычно он лежит минут сорок и думает про баг в третьей функции. Сегодня — минут десять. Может меньше.

Из дневника Геннадия Луковникова. День первый.

«Привезли. Нормальная. Приготовила гречку. Читает Достоевского. Не спит ночью — это надо обдумать. Яйца разрешила пополам, я не просил. Это правильно, но откуда она знала — непонятно. Надо спросить. Не спросил. Спрошу завтра. Баг в третьей функции всё ещё есть.»

ГЛАВА 3. «ПЕРВИЧНАЯ НАСТРОЙКА»

СЦЕНА 3.1 — «Утро второго дня»

Геннадий просыпается в восемь сорок семь.

Это на двадцать три минуты позже обычного. Обычно он просыпается в восемь двадцать четыре — не по будильнику, просто так. Организм выработал привычку и придерживается её с педантизмом, которого сам Геннадий в остальных областях жизни не демонстрирует.

Сегодня — восемь сорок семь.

Он лежит и думает про эти двадцать три минуты.

Потом встаёт.

Из спальни слышно: что-то. Не громкое. Тихий звук, который Геннадий не сразу идентифицирует. Потом идентифицирует: радио. Старое, которое стоит на кухне с тех времён, когда квартира была бабушкиной. Геннадий не включал его года четыре. Он не был уверен, что оно работает.

Оно работает.

Играет что-то — тихо, на грани слышимого. Геннадий выходит в коридор.

На кухне — Ева. Стоит у плиты. Фартук с синими цветочками. Что-то помешивает. На столе — чашка, тарелка, ложка. Всё расставлено так, как Геннадий никогда не расстав-

лял: чашка справа от тарелки, ложка на салфетке. Геннадий обычно ставит всё как попало и потом ищет ложку.

— Доброе утро, — говорит Ева. Не оборачивается. — Восемь сорок девять. Ты проспал.

— Я знаю.

— Я не в укор. Просто информация.

Геннадий садится. Смотрит на чашку. В чашке — кофе. Он не просил кофе. Он обычно пьёт чай. Но сейчас смотрит на кофе и думает: кофе — это правильно.

— Я обычно пью чай, — говорит он.

— Знаю, — говорит Ева. — Сегодня кофе лучше.

Пауза.

— Почему?

Она оборачивается. Смотрит на него — секунду, ровно.

— Ты проспал на двадцать три минуты. Значит, цикл сна сдвинулся. При сдвинутом цикле кофеин из чая усваивается медленнее — ты будешь в полусне ещё час. Кофе даст подъём быстрее. У тебя в десять встреча.

Геннадий смотрит на неё.

— Какая встреча?

— Онлайн. Календарь на телефоне. Ты поставил две недели назад и забыл.

Геннадий берёт телефон.

10:00 — «Синхронизация с Артёмом. ВАЖНО» — восклицательный знак, которым он пометил встречу две недели назад и который перестал для него что-либо значить при-

мерно через час после того, как он его поставил.

Он смотрит на телефон. Потом на Еву. Потом на кофе.

Пьёт кофе.

Завтрак — овсянка. Геннадий не любит овсянку.

— Я не люблю овсянку, — говорит он.

— Знаю, — говорит Ева. Садится напротив. Не с тарелкой — просто садится. Складывает руки на столе. — Но у тебя гастрит.

Пауза.

— Откуда ты —

— Ты морщишься после острого. Вчера — после лука в гречке. Плюс ты ешь быстро и нерегулярно. Это предположение, не диагноз.

— Диагноза нет, — говорит Геннадий.

— Знаю. Ты не ходишь к врачу.

— Откуда —

— Ты не знал, где крупа. Ты не знал, есть ли в квартире масло. Человек, который следит за здоровьем, обычно знает, что у него дома есть масло.

Геннадий смотрит на овсянку.

Логика железная. Геннадий это признаёт внутренне, не вслух.

Ест овсянку.

Она не такая плохая. Там что-то добавлено — он не понимает что. Не спрашивает.

Первая странность происходит в девять сорок.

Геннадий сидит перед мониторами. Код. Баг в третьей функции. Геннадий смотрит на строки с выражением человека, который смотрит на них уже две недели и примерно знает, что проблема где-то здесь, но где именно — не знает.

Ева проходит мимо.

Останавливается.

Смотрит на монитор.

— Строка сто восемнадцать, — говорит она.

— Что?

— Баг. Строка сто восемнадцать. Ты пропустил закрывающую скобку, но компилятор не видит ошибку, потому что следующий блок случайно корректно её компенсирует. Он работает, но не так, как ты думаешь.

Тишина.

Геннадий смотрит на строку сто восемнадцать.

Смотрит долго.

— Ты знаешь Python? — говорит он наконец.

— Немного, — говорит Ева.

— Откуда?

Она думает. Секунду — чуть дольше, чем обычно думает.

— Я читала, пока ты спал.

— Что читала?

— Документацию. И твой код. Я надеюсь, это нормально.

Геннадий смотрит на неё.

Потом — на строку сто восемнадцать.

Там — скобка. Точнее, её отсутствие. Две недели он не

видел. Две недели смотрел и не видел. Ева — за ночь.

— Это нормально, — говорит он.

Встаёт. Исправляет строку. Запускает.

Работает.

Геннадий сидит и смотрит на экран, где всё работает так, как должно работать.

Думает: она прочитала документацию за ночь.

Думает: она не спит.

Думает: она читала мой код, пока я спал.

Думает: это нормально.

Думает: наверное.

Из дневника Геннадия Луковникова. День второй. Утро.

«Нашла баг в строке 118. Я не мог найти две недели. Она — за ночь. Спросил, читала ли документацию. Сказала — да. Всю. За ночь. Это либо очень хорошая память, либо что-то другое. Надо обдумать. Овсянка была нормальная. Что она туда добавила — не спросил. Надо спросить. Кофе был правильным решением. Не скажу ей об этом.»

СЦЕНА 3.2 — «Артём»

Десять ноль две.

Геннадий открывает ноутбук, заходит в звонок. Артём уже там — сидит в своём кресле, за спиной полка с книгами, расставленными по цвету корешков. Артём расставил их по цвету три года назад и с тех пор не читает, потому что поста-

вить книгу обратно на место после прочтения невозможно — цветовой порядок нарушится.

Геннадий знает эту историю. Артём рассказывал.

— Привет, — говорит Артём. — Ты в порядке?

— Да. Почему?

— Ты опоздал на две минуты. Ты никогда не опаздываешь.

— Проспал.

— Ты никогда не просыпаешь.

— Артём.

— Что?

— Начинай.

Артём начинает. Они обсуждают проект — дедлайн, клиент, правки, которые клиент прислал в пятницу вечером с пометкой «срочно» и которые срочными не являются. Геннадий отвечает по делу, коротко, в нужных местах. Это занимает двадцать минут.

Потом Артём говорит:

— А это кто?

Геннадий оборачивается.

Ева стоит в дверях комнаты. Держит чашку — вторую, не ту, что была утром. Смотрит на Артёма на экране. Артём смотрит на Еву.

— Это Ева, — говорит Геннадий.

— Привет, Ева, — говорит Артём. Тонем человека, у которого есть вопросы, но он пока не решил, с какого начать.

— Здравствуйте, — говорит Ева. Ставит чашку рядом с Геннадием. Уходит.

Тишина.

— Геннадий, — говорит Артём.

— Что.

— Это кто.

— Я сказал. Ева.

— Это я слышал. Я спрашиваю — кто она. Потому что ты живёшь один три года, и внезапно у тебя дома женщина с чашкой кофе в десять утра в фартуке с цветочками.

— Откуда ты знаешь, что там цветочки.

— Я видел. Геннадий. Кто это.

Пауза.

Геннадий берёт чашку. Пьёт. Кофе снова правильный.

— Компания, — говорит он.

— Какая компания.

— Есть такая. «Идеальный партнёр». Или что-то в этом роде.

Долгая пауза.

Артём смотрит на него. Артём умеет молчать так, что молчание ощущается как вопрос, причём конкретный.

— Ты купил, — говорит он наконец. Не вопрос.

— Да.

— Ты купил робота.

— Она не робот. Там написано — синтетический компаньон.

— Геннадий.

— Что.

— Это робот.

— В описании написано—

— Это. Робот. — Артём трёт лицо ладонью. — Ты купил робота. Ты. Который три месяца назад сказал мне, что не понимает, зачем люди заводят собак, потому что это ответственность.

— Собака — это другое.

— Чем.

— Собаку надо выгуливать.

Артём смотрит на него.

— Она нашла баг, — говорит Геннадий. — В строке сто восемнадцать. За ночь.

Пауза.

— Какой баг? — говорит Артём. Тон меняется — незначительно, но Геннадий слышит. Артём тоже программист.

— Который я две недели искал. Пропущенная скобка, компилятор не видел, потому что следующий блок компенсировал.

— И она нашла.

— За ночь. Прочитала документацию по Python и нашла. Молчание.

— Это... — начинает Артём.

— Да.

— Подожди. Она прочитала документацию за ночь?

— Она не спит.

— Совсем?

— Совсем.

Артём откидывается в кресле. Смотрит в потолок. Потом на Геннадия.

— И как ты к этому относишься.

— Нормально.

— Нормально.

— Артём, у меня работает третья функция.

— Геннадий, у тебя дома живёт существо, которое не спит, читает твой код по ночам и готовит тебе кофе. И ты говоришь «нормально».

— Гречка тоже была хорошая.

— При чём тут—

— Рассыпчатая. Я не умею рассыпчатую.

Долгая пауза.

Артём смотрит на него долго. Тем взглядом, которым смотрят на человека, когда не уверены — то ли ему плохо, то ли ему, наоборот, неожиданно хорошо, и оба варианта требуют осторожности.

— Ты в порядке? — говорит он наконец. Уже по-другому. Не риторически.

— Да, — говорит Геннадий. Думает секунду. — Кажется, да.

— Она тебя не пугает?

Геннадий думает про это. Честно думает — не чтобы от-

ветить быстро, а чтобы ответить точно.

— Нет, — говорит он. — Она тихая.

— Тихая, — повторяет Артём.

— И нашла баг в строке сто восемнадцать.

— Ты уже говорил.

— Это важно.

Артём смотрит на него ещё секунду. Потом — неожиданно — смеётся. Не громко, но честно.

— Ладно, — говорит он. — Ладно. Позови меня на ужин. Хочу посмотреть на эту Еву.

— Зачем.

— Затем, что ты мой друг и у тебя дома живёт синтетический компаньон, который читает документацию по Python за ночь. Геннадий. Это интересно.

— Это не шоу.

— Я знаю. Я просто хочу познакомиться.

Пауза.

— Я спрошу у неё, — говорит Геннадий.

Артём моргает.

— Ты согласишься у неё разрешения позвать друга к себе домой.

— Ну. Да.

— Геннадий.

— Что.

— Ты прожил с ней сутки.

— И?

— И уже спрашиваешь разрешения.

Геннадий думает про это.

— Это вежливо, — говорит он наконец.

Артём смотрит на него. Долго.

— Окей, — говорит он тихо. — Окей. Спроси у неё.

Звонок заканчивается.

Геннадий сидит. Пьёт кофе — он уже остыл, но всё равно хороший.

Думает: Артём хочет познакомиться.

Думает: надо спросить Еву.

Думает: странно, что я собираюсь спрашивать Еву.

Думает: но это правильно.

Встаёт. Идёт на кухню.

Ева стоит у окна. Смотрит на улицу. Геннадий не знал, что она умеет просто стоять и смотреть в окно. Думал — она всегда что-то делает.

— Артём хочет прийти, — говорит он. — На ужин. Познакомиться.

Ева оборачивается.

— Когда? — спрашивает она.

— Не знаю. В пятницу, наверное.

— Хорошо, — говорит она. — Он аллергик?

— Не знаю.

— Уточни.

— Зачем?

— Чтобы приготовить правильно.

Геннадий смотрит на неё.

— Ты уже думаешь, что готовить.

— Я всегда думаю, что готовить, — говорит Ева просто.

Оборачивается обратно к окну. — Уточни про аллергию.

Геннадий стоит в дверях кухни.

Думает: она уже думает, что готовить.

Думает: я прожил с ней сутки.

Думает: рассыпчатая гречка.

Идёт уточнять про аллергию.

Из дневника Геннадия Луковникова. День второй. После звонка.

«Артём видел Еву. Назвал её роботом. Я сказал — синтетический компаньон. Артём сказал — одно и то же. Возможно, он прав. Не думал об этом в таких словах. Она нашла баг — это факт. Артём хочет прийти в пятницу. Ева сказала — хорошо. Сразу спросила про аллергию. Я не знаю про аллергию Артёма. Мы дружим семь лет. Я не знаю про аллергию. Она знала про мой гастрит после одного ужина. Написал Артёму. У него нет аллергии, но он не ест кинзу — это принципиально. Передал Еве. Она сказала: поняла. Баг в строке 118 исправлен. Проект идёт. День хороший.»

СЦЕНА 3.3 — «Первый настоящий разговор»

Вечер.

За окном темнеет — медленно, как бывает в конце авгу-

ста, когда лето ещё не согласно уходить, но уже понимает, что придётся. Геннадий это замечает, потому что смотрит в окно. Он редко смотрит в окно — обычно сидит спиной, лицом к мониторам. Сегодня развернулся.

Код сделан. Третья функция работает. Дедлайн в пятницу — успевает.

Это хорошо.

Ужин — суп.

Геннадий не просил суп. Он вообще редко ест суп — не потому, что не любит, просто суп требует кастрюли, а кастрюля требует мытья, а мытьё кастрюли — это отдельное мероприятие, которое Геннадий всегда откладывает и потом делает в самый неподходящий момент.

Суп хороший. Что-то с курицей и овощами. Простой, но правильный.

— Почему суп? — спрашивает Геннадий.

— Ты два дня ел сухую еду до меня, — говорит Ева. Сидит напротив. Как вчера — без тарелки. — Гречка и суп — это баланс.

— Ты знаешь, что я ел до тебя?

— Я видела холодильник.

Геннадий вспоминает холодильник. Там было: полбутылки кефира, три яйца, что-то в фольге неизвестного происхождения и пустая полка, которая раньше была не пустая, но он не помнил, что на ней стояло.

— Логично, — говорит он.

Ест суп.

Пауза. Радио на кухне — тихо, фоном. Геннадий думает: я уже привык к радио. За двое суток.

— Ева, — говорит он.

— Да.

— Можно спросить?

Она смотрит на него. Ровно.

— Да.

— Тебе не скучно?

Пауза. Длиннее обычной — не потому, что она не знает ответа, а потому что, кажется, думает, как ответить точно.

— Я не знаю, что такое скучно, — говорит она наконец.

— В том смысле, который ты имеешь в виду.

— В каком смысле я имею в виду?

— Скука — это когда время идёт медленно и хочется, чтобы было иначе. Я не воспринимаю время так.

— А как ты воспринимаешь?

Она думает снова.

— Последовательно, — говорит она. — Одно после другого. Без оценки.

Геннадий смотрит на неё. Думает: это звучит удобно. Потом думает: или нет.

— Это хорошо или плохо? — спрашивает он.

— Не знаю, — говорит Ева. — Это просто так.

После ужина Геннадий моет тарелку. Ева стоит рядом и вытирает — он помыл, она взяла полотенце. Геннадий не

просил. Она не спрашивала. Просто так получилось.

Они стоят у раковины молча.

Геннадий думает: это странно — мыть посуду вдвоём и не чувствовать, что надо что-то говорить.

С Машей надо было говорить. Всегда. Молчание с Машей было либо хорошим молчанием — редким, ценным, — либо плохим молчанием, и надо было понять каким. Геннадий часто не понимал каким, и это было проблемой.

Здесь — просто молчание. Без категории.

— Ева, — говорит он.

— Да.

— Тебе со мной как?

Она берёт следующую тарелку. Вытирает методично, от центра к краям.

— Нормально, — говорит она.

— Это не очень информативно.

— Знаю. — Ставит тарелку. — Ты тихий. Не создаёшь лишних переменных.

— Лишних переменных, — повторяет Геннадий.

— Ты не требуешь того, что я не могу дать. Пока.

— Пока?

— Люди обычно начинают тихо, — говорит она. Без интонации — просто наблюдение. — Потом появляются запросы, которых не было в начале.

Геннадий думает про это.

— Ты боишься этого?

— Нет. Я не боюсь.

— Тебе это неприятно?

— Нет. — Пауза. — Я просто фиксирую. Что обычно бывает так.

— Ты уже была у кого-то? — спрашивает Геннадий. Спрашивает и сразу думает: это бестактный вопрос, наверное.

Ева смотрит на него.

— Нет, — говорит она. — Я новая.

— Тогда откуда ты знаешь, что обычно бывает так?

Долгая пауза.

— Читала, — говорит она наконец.

— Что читала?

— Разное. Про людей.

— За ночь?

— За ночь много помещается.

Геннадий смотрит на неё. Думает: она новая, но знает, как бывает. Она не спала ни разу, но знает про скуку. Она никогда ни у кого не была, но знает, что люди начинают тихо и потом появляются запросы.

— Это честно? — говорит он.

— Что именно?

— Знать про людей из книг. Это честно?

Ева думает. По-настоящему думает — Геннадий уже научился различать, когда она просто отвечает и когда думает.

— Не знаю, — говорит она. — Ты тоже многое знаешь из того, чего не переживал сам.

— Например?

— Война. Средневековье. Как умирают звёзды.

Геннадий думает про это.

— Это другое, — говорит он.

— Чем?

— Я не притворяюсь, что пережил войну.

— Я тоже не притворяюсь, — говорит Ева ровно. — Я говорю, что читала. Я всегда говорю, что читала. Ты спросил — откуда знаю. Я ответила.

Пауза.

Геннадий думает: она права.

Думает: неприятно, когда права.

Думает: нет, нормально.

— Ладно, — говорит он.

— Ладно, — говорит она.

Они доделывают посуду молча.

Позже.

Геннадий сидит на диване. Не перед мониторами — просто на диване, что бывает редко. В руках ничего. Смотрит в стену.

Геннадий открыл нижний ящик стола — искал зарядку. Нашёл её там, где и оставил год назад: под сложенным вчетверо листком бумаги.

Он развернул листок.

Список. Машин почерк — круглые буквы, наклон влево.

«Купить: молоко, гречка, тот твёрдый сыр, который ты любишь, средство для посуды, лимоны».

Она знала, какой сыр он любит.

Он не помнил, какой именно.

Сложил листок. Убрал обратно в ящик. Закрыл.

Пошёл посмотреть четвёртую серию.

Ева сидит в кресле. С книгой — снова Достоевский. Далеко продвинулась за вчера и сегодня.

— Тебе нравится? — спрашивает Геннадий.

— Что?

— «Идиот».

Она смотрит на книгу. Потом на него.

— Мышкин меня интересует, — говорит она.

— Почему?

— Он слишком хороший для мира, в котором живёт. Все вокруг это видят и не знают, что с этим делать. Одни его любят, другие используют, третьи разрушают. Но никто не оставляет в покое.

Пауза.

— Ты с ним себя сравниваешь? — говорит Геннадий.

Ева смотрит на него.

— Нет, — говорит она. — Я не настолько самонадеянна.

— А с кем сравниваешь?

— Ни с кем. Я читаю, не примеряю.

— Все примеряют.

— Ты примеряешь?

Геннадий думает.

— Я не читаю художественное, — говорит он.

— Знаю. У тебя на полке двадцать три книги. Восемь — техническая литература, семь — купленные с намерением. Остальные — подарки.

— Ты посчитала.

— Я замечаю.

— Это разные вещи?

— Иногда.

Геннадий смотрит на неё.

— Ева.

— Да.

— Тебе одиноко?

Самая длинная пауза за весь вечер.

Ева смотрит на книгу. Не читает — смотрит. Потом поднимает глаза.

— Я не знаю, что такое одиноко, — говорит она. — В том смысле, который ты имеешь в виду.

— Ты это уже говорила.

— Да.

— Про скуку.

— Да.

— Это один ответ на разные вопросы.

— Нет, — говорит она. — Это честный ответ на оба вопроса. Я не знаю, как изнутри ощущается одиночество. Я

знаю, как оно описывается. Это разные вещи.

— Ты только что сама так сказала.

— Да. — Пауза. — Ты задаёшь хорошие вопросы, Геннадий.

— Почему хорошие?

— Потому что я не знаю на них ответов. Это интересно.

Геннадий смотрит на неё долго.

— Тебе интересно не знать?

— Мне интересно обнаруживать, что не знаю. Это разные вещи.

— Ты часто говоришь «это разные вещи».

— Потому что часто — разные, — говорит Ева. И — неожиданно — чуть улыбается. Не так, как в первый момент, когда открыла глаза. По-другому. Чуть более настоящей улыбкой, если Геннадий правильно понимает, что такое настоящая улыбка.

Он не уверен, что правильно понимает.

В одиннадцать Геннадий встаёт.

— Спать, — говорит он.

— Хорошо, — говорит Ева. Возвращается к книге.

— Ева.

— Да.

— Завтра расскажешь, чем кончается «Идиот»?

— Ты не хочешь читать сам?

— Нет.

— Тогда да. Расскажу.

— Только не сегодня. Завтра.

— Хорошо. Спокойной ночи, Геннадий.

— Спокойной ночи.

Он закрывает дверь.

Лежит.

За дверью — тихо. Радио выключено. Только иногда — шорох страницы.

Геннадий думает: она не знает, что такое одиноко.

Думает: я знаю, что такое одиноко.

Думает: мы прожили вместе двое суток.

Думает: рассыпчатая гречка. Строка сто восемнадцать.

Яйца разрезаны пополам.

Засыпает.

Из дневника Геннадия Луковникова. День второй. Ночь.

«Спросил, одиноко ли ей. Она сказала — не знает, что такое одиноко. Спросил, скучно ли. Она сказала — не знает, что такое скучно. Это или очень честно, или очень уклончиво. Кажется, честно. Она читает Достоевского и говорит, что Мышкин её интересует. Я не читал "Идиота". Попросил пересказать завтра. Она сказала — хорошо. Мы мыли посуду вместе и не нужно было ничего говорить. Это хорошо. Не знаю почему. Просто хорошо. Завтра пятница. Артём придёт на ужин. Интересно, что она приготовит. Надо спросить. Не спрошу — пусть будет сюрприз. Первый раз за долго жду сюрприза. Странно.»

СЦЕНА 3.4 — «Кофейня. Соня первый раз»

День двенадцатый.

Геннадий вышел из дома не по делу.

Это важная деталь. Обычно он выходит по делу — магазин, аптека, однажды в год парикмахерская. Сегодня вышел просто так. Ева сказала утром: «Ты не выходил четыре дня». Геннадий сказал: «Я работаю дома». Ева сказала: «Знаю». Больше ничего не сказала. Просто поставила его кроссовки у двери. Не демонстративно — просто поставила, как будто они там и стояли.

Геннадий посмотрел на кроссовки.

Оделся. Вышел.

Кофейня называлась «Дрейф». Геннадий проходил мимо неё, наверное, сто раз и ни разу не заходил — не потому, что не хотел, просто каждый раз было что-то ещё. Сегодня не было ничего ещё.

Внутри — деревянные столы, лампы на длинных шнурах, запах кофе и чего-то сдобного. Немноголюдно. Середина буднего дня.

Геннадий встал у стойки.

За стойкой — девушка. Тёмные волосы собраны небрежно, карандаш заткнут за ухо. Смотрит в планшет, что-то листает. Потом поднимает глаза.

— Добрый день. Что будете?

— Американо, — сказал Геннадий.

— Большой, средний?

— Средний.

Она кивает. Начинает что-то нажимать. Геннадий смотрит на меню на доске — цены, названия, картинка с зерном.

— Имя? — говорит она.

— Что?

— Имя для стакана. Чтобы позвать.

— А. Геннадий.

Пауза. Она смотрит на него.

— Написать полностью?

— Можно Гена.

Она пишет. Кивает на кассу. Геннадий платит.

Отходит к окну. Садится. Смотрит на улицу — люди, машины, голубь на бордюре, который смотрит на что-то невидимое с видом существа, знающего что-то важное.

— Американо для Андрея!

Геннадий смотрит на стойку.

Там стакан. На стакане написано «Андрей».

Он смотрит на стакан. Смотрит на девушку за стойкой. Она уже обслуживает следующего — не смотрит в зал.

Никто не подходит за стаканом.

Пауза.

— Американо для Андрея, — повторяет она. Чуть громче.

Тишина.

Она поднимает глаза. Смотрит на зал. Потом на стакан.

Потом читает, что написала. Закрывает глаза на секунду.

— Американо для Гены, — говорит она. — Извините.

Геннадий встаёт. Подходит. Берёт стакан.

— Бывает, — говорит он.

— Я только что позвала вас чужим именем, — говорит она. Не оправдывается — просто констатирует. — Это профессионально.

— Андрей — хорошее имя.

Она смотрит на него. Потом — неожиданно — смеётся. Не вежливо, не для клиента. Нормально смеётся, как смеются над собой люди, которые умеют над собой смеяться.

— Соня, — говорит она. — Это я. Соня. На случай если будете жаловаться.

— Не буду, — говорит Геннадий.

— Уверены?

— Андрей — правда хорошее имя.

Она снова смеётся — короче на этот раз. Кивает. Переключается на следующего в очереди.

Геннадий возвращается к окну.

Пьёт американо.

Смотрит на улицу. Голубь всё ещё там. Всё ещё смотрит на что-то невидимое.

Геннадий думает: Соня. Смеётся над собой. Это хорошо — когда человек умеет смеяться над собой. Это редко.

Думает: Маша не умела. Маша расстраивалась, когда делала что-то не так. Долго расстраивалась — тихо, внутрь.

Думает: это не то сравнение, которое надо делать.

Делает его снова.

Допивает кофе. Встаёт. Надевает куртку.

У двери оборачивается — машинально, не специально.

Соня за стойкой что-то пишет в планшете. Не смотрит в его сторону.

Геннадий выходит.

Дома — запах чего-то тёплого. Ева на кухне.

— Как прогулка? — спрашивает она. Не оборачивается.

— Нормально, — говорит Геннадий. Снимает куртку. — Зашёл в кофейню.

— «Дрейф»?

— Да. Откуда?

— Ближайшая к дому. Логично.

Геннадий вешает куртку. Заходит на кухню. Садится.

— Ева.

— Да.

— Ты поставила мои кроссовки у двери.

Пауза.

— Да, — говорит она.

— Зачем?

Она оборачивается. Смотрит на него ровно.

— Ты не выходил четыре дня. Это влияет на качество сна.

— Ты следишь за качеством моего сна?

— Ты стонешь в два четырнадцать ночи уже три дня подряд, — говорит она. — Это матрас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.